

18. ГААО. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 2005.
19. ГААО. – Ф. 480. – Оп. 1. – Д. 3171.
20. ГААО. – Ф. 687. – Оп. 2. – Д. 1052.
21. Любомиров П. Г. Ткацкая промышленность в Астрахани в XVIII – I половине XIX в. / П. Г. Любомиров. – Астрахань, 1926. – 178 с.
22. Прикаспийская газета. – 24 января 1901 г. – № 47.
23. Прикаспийский край. – 17 декабря 1910 г. – № 30.
24. Прикаспийский край. – 31 декабря 1910 г. – № 39.
25. Прикаспийский край. – 19 февраля 1911 г. – № 78.
26. Рябцев А. Л. Источники по истории Астраханского купечества последней четверти XVIII – н. XIX вв. / А. Л. Рябцев // Астраханский гуманитарный сборник. – Астрахань, 1991. – С. 14–19.
27. Рыбушкин Н. Записки об Астрахани / Н. Рыбушкин. – Астрахань, 1841. – 202 с.
28. Шпылько А. Н. Астраханская торговля в старину / А. Н. Шпылько. – Астрахань, 1909. – 128 с.

References

1. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti* [Astrakhan Regional News], June 03, 1857, no. 21.
2. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti* [Astrakhan Regional News], February 03, 1886, no. 16.
3. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti* [Astrakhan Regional News], October 27, 1894, no. 95.
4. *Astrakhanskije gubernskie vedomosti* [Astrakhan Regional News], June 14, 1897, no. 123.
5. *Astrakhanskiy vestnik* [Astrakhan Bulletin], March 21, 1912, no. 6622.
6. *Astrakhanskiy vestnik* [Astrakhan Bulletin], December 30, 1914, no. 280.
7. *Astrakhanskiy listok* [Astrakhan Sheet], December 16, 1911, no. 268.
8. *Vidy gosudarstvennoy vneshney trgovli Rossiskoy Imperii za 1831–1849 gg.* [Types of state of foreign trade of the Russian Empire for 1831–1849], Saint Petersburg, 1832–1850.
9. *Vostok* [East], February 03, 1867, no. 5.
10. State Archive of the Astrakhan Region (SA AR), f. 1, op. 2, d. 104.
11. SA AR, f. 1, op. 8, d. 1207.
12. SA AR, f. 1, op. 8, d. 1285.
13. SA AR, f. 94, op. 1, d. 24716.
14. SA AR, f. 94, op. 1, d. 24458.
15. SA AR, f. 94, op. 1, d. 34274.
16. SA AR, f. 94, op. 1, d. 34507.
17. SA AR, f. 433, op. 1, d. 361.
18. SA AR, f. 480, op. 1, d. 2005.
19. SA AR, f. 480, op. 1, d. 3171.
20. SA AR, f. 687, op. 2, d. 1052.
21. Lyubomirov P. G. *Tkatzkaya promyshlennost v Astrakhani v XVIII – nachale XIX v.* [The weaving industry in Astrakhan in XVIII – first half XIX centuries], Astrakhan, 1926. 178 p.
22. *Prikaspiyskaya gazeta* [Caspian Newspaper], January 24, 1901, no. 47.
23. *Prikaspiyskiy kray* [The Caspian Region], December 17, 1910, no. 30.
24. *Prikaspiyskiy kray* [The Caspian Region], December 31, 1910, no. 39.
25. *Prikaspiyskiy kray* [The Caspian Region], February 19, 1911, no. 78.
26. Ryabtsev A. L. *Istochniki po istorii astrahanskogo kupechestva posledney chetverti XVIII – n. XIX vv.* [Sources on the history of Astrakhan merchant class last quarter of the XVIII – XIX centuries]. *Astrakhanskiy gumanitarnyy sbornik* [Astrakhan Humanitarian Compendium], Astrakhan, 199, pp. 14–19.
27. Rybushkin N. *Zapiski ob Astrakhani* [Notes about Astrakhan], Astrakhan, 1841. 202 p.
28. Shtylko A. N. *Astrakhanskaya trgovlya v starinu* [Astrakhan trading in the old days], Astrakhan, 1909. 128 p.

РАЗВИТИЕ ЗЕРНОВОГО РЫНКА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ И КОНКУРЕНЦИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

Виноградов Сергей Вадимович, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: dissovvetdm@yandex.ru

В статье затрагивается слабоизученная проблема конкуренции различных экономических укладов в 1920–е гг. Возрождение многоукладности отечественной экономики в результате осуществления новой экономической политики привело к восстановлению деятельности частного капитала. Новые капиталисты – энпманы, пользуясь слабостью государства, неразвитостью законодательной базы, неопытностью и корыстолюбием новых чиновников, наживали состояния, грабя государственные предприятия, проникали в такие сферы экономической деятельности, где можно было быстро заработать максимальную прибыль.

Автор на основе архивных документов показывает, как важнейший для страны зерновой рынок стал полем жесткой конкурентной борьбы государственных и частных организаций, занимавшихся заготовкой зерна. Используя дореволюционный опыт, связи, доскональное знание своего дела, а также коррупцию в государственном аппарате, частные компании к середине 1920-х гг. стали теснить государство в заготовке зерна. Помимо того, что пшеница и рожь были основой питания для большинства населения страны, продажа зерна этих злаковых культур на мировых рынках являлась главным источником поступления валютных средств, необходимых для осуществления индустриализации. Зная об этом, частные предприниматели сорвали государственные планы по заготовке ржи и пшеницы в 1925 г. и заставили государство покупать у них зерно по дорогим ценам, чтобы выполнить обязательства перед иностранными покупателями по заключенным под будущий урожай контрактам (форвардные контракты). Уступая в конкурентной борьбе, партийно-государственные органы во второй половине 1920-х гг. стали интенсивно выдвигать частные зернозаготовительные фирмы с рынка помощью административных мер. Анализ архивных документов показывает, что непосредственное руководство этим процессом на местах осуществлялось на уровне губкомов ВКП (б), что подчеркивает финансовую силу и возможности «хлебных капиталистов». Частный капитал был вытеснен с зернового рынка в 1928 г.

Ключевые слова: новая экономическая политика, СССР, ВКП(б), Поволжье, зерно, пшеница, рожь, рынок, торговля, многоукладность, конкуренция, частный капитал, нэпман, частные зернозаготовительные фирмы

THE GRAIN MARKET DEVELOPMENT DURING THE NEW ECONOMIC POLICY: PROBLEMS REGULATION AND KON-COMPETITION (ON THE MATERIALS OF VOLGA REGION)

Vinogradov Sergey V., D.Sc. (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: dissovtdm@yandex.ru

At the article author analyzes the problem of competition different economic structures in the 1920s. Rebirth of stratification domestic economy, as a result, of the new economic policy led to the reconstruction of the private capital. The new capitalists – shopkeepers to using the weakness of the state, poor legal framework, inexperience and greed of new officials making a fortune, plundering state enterprises. The author based on archival documents shows how important for the country grain market has become a field of fierce competition of public and private organizations involved in harvesting grain. Using the pre-revolutionary experience, the connections, a thorough knowledge of the business, as well as corruption in the government, private companies began to press the government in the blank grain in the middle 1920s. In addition to wheat and rye were the basis of food for most of the country, the sale of grain on the world market is the main source of foreign currency funds necessary for the implementation of industrialization. Knowing this, private entrepreneurs have broken state plans on harvesting rye and wheat in 1925 and forced the government to buy their grain at high price to fulfill obligations to foreign buyers on a future crop contracts. The party-state authorities have been intensively press out private grain-procurement firm from the market by administrative measures in the second half of the 1920s. Analyze of archival documents shows that the direct management of the process has carried out at the level the Gubkom VKP (b), which underlines the financial strength and capabilities "bread of the capitalists." Private capital was been superseded from the grain market in 1928.

Keywords: New Economic Policy, Soviet Union, VKP (b), Volga region, grain, wheat, rye, market, commerce, stratification, competition, private capital, shopkeeper, private grain-procurement firm

Одним из важных достижений новой экономической политики было возрождение различных экономических укладов. Необходимо оговориться, что с самого начала НЭПа его архитекторы не предусматривали полного возврата к дореволюционному статус-кво в экономике. Поэтому большое место в ленинских планах занимал тот уклад, который был интересен вождю с точки зрения подготовки к новому восхождению к вершинам социалистической экономики. Этот уклад В.И. Ленин определял как «госкапитализм». По его мысли, госкапитализм максимально близко стоит к социалистическому укладу, и чем больше его доля в экономике страны, тем быстрее и реальнее перейти на хозяйственные рельсы нового общества.

Попробуем понять, что руководитель Советского государства вкладывал в это, важное для построения социалистической экономики, в его понимании, понятие. Разрабатывая свою теорию о пяти общественно-экономических укладах, вождь считал госкапитализм одним из них. Этот экономический уклад, как считал В.И. Ленин, может быть допущен пролетарским государством в экономику страны в виде иностранных концессий и смешанных обществ, аренды мелких и средних предприятий частными владельцами («нэпманами»), при сохранении предпринимательской крупной промышленности, которую Ленин причислял к социалистическому укладу, в руках государства. Вождя в госкапитализме привлекала возможность его жесткого контроля со стороны

пролетарского государства, в отличие от мелкотоварного и частнокапиталистического укладов, куда входила большая часть крестьянских хозяйств и частная торговля. Такое широкое применение частной инициативы в экономике не могло не пугать В.И. Ленина и других руководителей Советского государства, стремившихся сохранить «командные высоты» в народном хозяйстве «в руках пролетарского государства».

Надо также добавить, что выше было приведено толкование В.И. Лениным термина «госкапитализм» в узком, практическом смысле. В широком понимании рассматривал этот термин как особую политику пролетарского государства, направленную на мобилизацию всех остатков капиталистического уклада в экономике страны, для создания новой социалистической экономики в кратчайшие сроки [4, с. 68].

Возрождение многоукладности в экономике естественно приводила к возникновению конкуренции между различными укладами. Например, в Поволжье такая конкуренция особенно ярко проявилась в тех отраслях хозяйственной деятельности, где достигалась максимальная прибыль. В экономике региона такими «лакомыми кусочками» были спекулятивные операции на хлебном и рыбном рынках [1, с. 77–93].

В 1920–е гг. каждая хлебозаготовительная кампания становилась полем жесткой конкурентной борьбы между государственными организациями и нэпманами. Причем до 1926 г. наблюдалось увеличение доли частного капитала в заготовке зерна в регионе.

Компания 1925 г. особенно наглядно показала силу и возможности частных хлебозаготовительных фирм. Наркомвнуторг в справке для Госплана СССР вынужден был признать недооценку частных зернозаготовителей в компании 1925 г. [13, л. 85–86].

Анализируя обширные данные, характеризующие ситуацию на зерновом рынке, информ.отдел ЦК РКП (б) пришел к выводу, что «частный капитал прокладывает дорогу на хлебном рынке, рационально используя все доступные для него методы ... пользовался каждым промахом государственных и кооперативных заготовителей и, действуя иногда скрыто и хитростью, стремился обойти направленные против него мероприятия наших органов» [10, л. 43].

Однако страхи в партийной прессе, в выступлениях руководителей различного уровня о возможном вытеснении государства с зернового рынка были пропагандистским преувеличением [3, с. 99–102]. Статистические данные показывали преобладание государственных хлебозаготовок над частными. Так, в обзоре «О ходе хлебозаготовок и партийном руководстве им», составленный 30 сентября 1926 г. на имя Генерального секретаря ЦК ВКП (б) И.В. Сталина, на основе обширных сведений был сделан вывод, что львиная доля хлебозаготовок контролировалась государственными органами и кооперацией [11, л. 56]. Но тенденция и темпы роста частных фирм не могла ни вызывать тревогу.

Учитывая важность хлебного рынка, государство старалось всеми силами удержать контроль над ним. ЦК РКП (б) в своём отчёте за июнь – июль 1922 г. отмечал: «Развитием государственных зерновых запасов, успехами государственной заготовкой хлеба по сравнению с частными закущиками будут определяться успехи социалистического строительства и укрепления Советской власти» [6, с. 2].

Как в годы гражданской войны, так, впрочем, и в более позднее время [7, с. 41–43] партийные органы старались переломить ситуацию, укрепив слабый участок работы, в данном случае зернозаготовительные организации, надёжными и опытными кадрами. Например, важную роль в проведении экспортных хлебозаготовок в Поволжье играло Средневолокское отделение Госторга. Самарский губком РКП (б) – ВКП (б) всячески стремился повысить эффективность в работе этой организации. В 1924 г. управляющим Госторга был направлен И.И. Егоров, член РКП (б) с 1919 г., заведующим хлебным отделом – И.П. Кузьмин, член партии с 1899 г. В сентябре 1924 г. Губком РКП (б) направил в Госторг 15 коммунистов с управленческим опытом для использования их на руководящей работе [18, л. 50].

Подробное обсуждение хода и состояния неудачной для государства заготовительной кампании состоялось на пленуме Самарского губкома РКП (б) 11–12 октября 1925 г. С основным докладом на Пленуме выступил Заведующий губернским отделом внутренней торговли Бричкин. По актуальной теме развернулась оживлённая дискуссия. Срыв плановых заданий из-за деятельности нэпманов не мог не волновать участников Пленума, грозил потерей должностей. Секретари укомов РКП (б), работники госорганов и кооперации, отвечавших за хлебозаготовки, активно выступали в прениях, давали своё видение сложных проблем, происходивших на зерновом рынке.

Если обобщить выступления, то напрашиваются следующие выводы: 1) «Крестьяне, несмотря на хороший урожай, не торопятся продавать хлеб, считая его лучшей страховкой от возможных неожиданностей». 2) Государственная промышленность не может удовлетворить

запросы крестьянства в промышленных товарах. Рост покупательной способности крестьянства в условиях восстановления их хозяйств после голода 1921 г. не покрывается предложением промышленных товаров. В частности, представитель Губсоюза привёл следующие данные, иллюстрирующие этот тезис. В Самарскую губернию должно было поступить I квартале 1925 г. 43 вагона мануфактуры, а дошло только 3. Государственные цены на хлеб были ниже рыночных и не могли с ними конкурировать. (Во время хлебозаготовительной кампании государственная цена на рожь в Самарской губернии была установлена в 80–90 к. за пуд, а рыночная цена составляла 1 р. 20 к.) [19, л. 10; 16, л. 111].

Серьезной критике на Пленуме подвергся Самарский губернский отдел внутренней торговли, со складов которого товары, пользовавшиеся повышенным спросом и предназначенные для государственных зернозаготовительных организаций, попадали к нэпманам.

Следующим объектом критики стало Самарское отделение Госбанка, кредитовавшее нэпманов, действовавших на хлебном рынке. Так, отделение Госбанка в г. Бугульме выдало кредит частному торговцу Мишину, который развернул активные хлебозаготовки, оттеснив государственных конкурентов, в районе станций Нурлат–Копки–Зубовка с населением в тридцать тысяч человек. Партийцы, отвечавшие своей карьерой за заготовку зерна и отдававшие этому все силы, чувствовали себя в таких условиях преданными своими командирами. Отсюда эмоциональный накал, проявлявшийся у выступавших. Участники Пленума отмечали несогласованную работу различных государственных и кооперативных зернозаготовительных организаций. Их возмущали факты проведения совещаний государственными заготовителями зерна с нэпманами по вопросу о ценах [16, л. 102–103]. Многие коммунисты считали, что за это следует строго наказывать, так как с «классовым врагом» не должно быть каких-либо согласований и совещаний [14, с. 94–97].

В основе успехов частных торговцев можно назвать целый ряд факторов. Во-первых, значительный опыт и знания своего дела, ясная и четкая мотивация. Практически все нэпманы до 1917 г. имели свои хлебозакупочные фирмы, занимались этим сложным, но очень прибыльным бизнесом не в первом поколении. Новая экономическая политика позволила этим талантливым и предприимчивым людям вновь начать свое дело. Например, в Саратовской губернии на хлебном рынке в 1925 г. работало 16 крупных частных хлебозаготовителей. Среди них выделялись Синёвы и Безбородовы – известные еще с дореволюционного времени династии Балашёвских предпринимателей. По сведениям современников их капитал в середине 1920-х гг. составлял не менее 500 тыс. р., приходившихся на одну семью. Огромные по тем временам деньги!

Во-вторых, у частных хлебозаготовителей еще с дореволюционных времен были наработаны обширные связи в соседних губерниях, их знали в центральных городах, на железной дороге и водном транспорте. Это позволяло им оперативно, без лишних проволочек осуществлять коммерческие операции. Например, частные предприниматели имели заготовительные пункты как минимум в 3 уездах Саратовской губернии, а также в Сталинградской губернии. Казанский хлеботорговец Шатухин, обладавший капиталом до 300 тыс. р., перерабатывал приобретенное в Саратовской и Самарской губерниях зерно на мельнице в Вольске, а затем отправлял муку баржами в Казань и Нижний Новгород на продажу. Помимо крупных предпринимателей на хлебном рынке работало множество мелких торговцев с капиталом от 3 до 15 тыс. р. [17, л. 137–138].

В-третьих, как отмечалось выше, закупочная цена у частных заготовителей была на 20–30 % выше, чем у государства. Поэтому крестьяне, стремящиеся из полученного урожая выжить максимальную прибыль, гораздо охотнее продавали урожай частнику, чем государству.

В-четвёртых, у частных заготовителей была лучше поставлена организация дела, чем у конкурентов. Аппарат частной хлебозаготовительной фирмы, как правило, состоял из хозяина и членов его семьи. В то время как штаты соответствующих государственных и кооперативных организаций в условиях безработицы 1920-х гг. были раздуты, как правило, родственниками руководителей организации, весьма далекими от тонкостей хлебозаготовительного дела [10, л. 43; 2, с. 142–153]. К тому же государственные заготовительные организации зачастую конкурировали друг с другом. Поэтому не удивительно, что в конкурентной борьбе с частным капиталом в середине 1920-х гг. они уступали позиции. Например, в Ульяновской губернии в 1924 г. частные заготовители хлеба приобрели такое же количество зерна, что и государственные и кооперативные организации [10, л. 41]. В районе железнодорожных станций Камышин – Кандауровка – Кистендей в течение второй половины 1925 г. частники отправили больше вагонов с зерном, чем государственные организации [17, л. 138]. Так бывало довольно часто.

В-пятых, частные предприниматели, обладая навыками конкурентной борьбы, применяли такие методы, как «экономический шпионаж». Они устраивали на работу в государственные и кооперативные организации «своих людей», либо подкупали работников этих организаций, получая, таким образом, необходимую информацию о планах конкурентов [17, л. 41].

В-шестых, некоторые работники государственных и кооперативных организаций сами или в сговоре с частными предпринимателями осуществляли различные аферы, срывая государственные планы хлебозаготовок и нанося серьезный урон государственным интересам [17, л. 41].

В таких условиях вполне закономерными и обоснованными выглядят требования партийных и государственных чиновников всех уровней, отвечавших за заготовку зерна, навести порядок в этом важном для страны деле путем введения жестких административных мер. В этом отношении показательна резолюция, не раз уже цитируемого Пленума Самарского губкома РКП (б), подводившего итоги хлебозаготовительной компании 1925 г. Пленум потребовал от государственных и кооперативных органов обеспечить согласованные действия на рынке. Был намечен ряд мер по наведению порядка в организациях, отвечавших за снабжение деревни промышленными товарами. Вместе с тем в решении было записано, что Самарский Губком ВКП (б) выступает за использование административных мер по отношению к частным хлебозаготовителям для наведения порядка в этом вопросе [16, л. 8]. После такого решения партийные и государственные органы губернии стали усиленно прижимать частных хлебозаготовителей. Например, Самарский госторг в начале 1926 г. предупредил всех руководителей государственных закупочных пунктов о строгой ответственности за покупку хлеба у частных скупщиков, спекулирующих зерном под прикрытием кооперативных артелей, нэпманам стали отказывать в кредите, предоставлять вагоны и баржи на транспорте, мельницы, для изготовления муки [5, л. 8]. В дальнейшем Самарский губком ВКП (б) продолжал уделять самое пристальное внимание состоянию дел в заготовке зерна и торговле хлебом. По нашим данным, за период с января по октябрь 1926 г. эти вопросы не менее 25-ти раз обсуждались на пленумах Губкома, заседаниях Бюро и секретариата. Вопросы регулирования цен в частной торговле обсуждались 8 раз [5, л. 38]. К 1928 г. частные торговцы в Самарской губернии были полностью вытеснены из оптовой торговли.

В сводках информационного отдела ЦК РКП (б) за 1925 г., отмечалось, что ряд губкомов Поволжья (в том числе Ульяновский) ставят перед ЦК РКП (б) вопрос о необходимости административного регулирования деятельности частных хлебозаготовительных фирм [18, л. 44]. В письме Наркомата внутренней торговли СССР Сталинградскому, Саратовскому, Самарскому и Ульяновскому губвнутторгам от 31 августа 1927 г. «О директивных ценах для Поволжья» обращалось внимание губернских руководителей, что эти органы должны оказывать влияние на хлебные цены «в желательном для государства направлении» [18, л. 68].

В Саратовской губернии (наряду с Самарской губернией, являвшейся крупным поставщиком зерна на всероссийский рынок) происходили схожие события. Заготовительная компания 1925 г. показала усиление частных хлебозаготовительных фирм, обходивших своих государственных и кооперативных конкурентов. Одним из показателей их растущей мощи стала аренда самых лучших мельниц губернии по высоким государственным ценам [15, л. 4, 14, 23]. Это был вызов!

Губернским властям ничего не оставалось делать, как применить «дубину административных мер» против частных хлебозаготовителей. В 1926 г. Саратовский губком ВКП (б) потребовал от хозяйственных органов в административном порядке запретить переработку зерна на государственных и кооперативных мельницах нэпманам. Все местные парторганизации, были предупреждены строжайшим образом о запрещении торговых сделок с частными хлебозаготовителями. «Партийные организации, наряду с кооперацией и госорганами должны добиваться снижения цен на хлеб» [15, л. 205]. Удельный вес частной торговли в розничном товарообороте Саратовской губернии в 1928 г. устойчиво снижался (с 31 % в 1925 г. до 17 % в 1928 г.).

Успешная деятельность нэпманов в хлебозаготовительной компании 1925 г. побудила власти к наведению порядка на транспорте. По сведениям современников, частные хлеботорговцы за определенную мзду без всякой очереди отправляли свои грузы в любую точку Советского Союза. А вот государственное зерно месяцами гнило на речных пристанях и железнодорожных станциях. С 1926 г. вагоны под хлебные грузы частникам стали подаваться в последнюю очередь только после отправки государственных и кооперативных грузов.

Жесткие меры по отношению к частным хлебозаготовителям достаточно быстро стали давать результаты. В 1926 г. государственная торговля и кооперативы заготовили 28 млн пудов хлеба, в то время как частные торговцы – 10,8 млн пудов [12, л. 34].

Сведения о мировых ценах на хлеб многое позволяют понять в сути той борьбы за зерновой рынок, которая развернулась между государством и нэпманами во второй половине 1920-х гг. Так, на крупнейшей Нью-Йоркской товарно-сырьевой бирже – центре мирового хлебного рынка в 1925/1926 гг. сложились следующие цены на зерно [2, с. 142]:

Таблица 1

Цены на зерно на Нью-Йоркской товарно-сырьевой бирже в 1925/1926 гг.		
	Пшеница	Рожь
Июнь	1 р. 38 к.	98 к.
Сентябрь	1 р. 69 к.	1 р. 44 к.
Ноябрь	1 р. 90 к.	1 р. 77 к.
Январь	2 р. 35 к.	2 р. 05 к.
Март	1 р. 96 к.	1 р. 55 к.

Примечание. При рассмотрении таблицы необходимо учитывать, что в 1920-е гг. экономическая жизнь рассчитывалась по особому календарю, отличавшемуся от обычного. Астрономический год начинался 1 января, а хозяйственный 1 сентября. Поэтому в таблице первая строчка «июнь» показывает цены на зерно старого урожая (для сравнения), а с сентября показывается динамика цен нового урожая.

По сведениям журнала «Среднее Поволжье», «...купленный через основных хлебозаготовителей хлеб обходился в СССР государству по 55 коп. за пуд в среднем, а хлеб урожая 1924 г. обошелся в среднем 84 коп. за пуд» [2, с. 142]. Повышение внутренних цен было связано с неурожаем 1924 г.

Таким образом, в результате возрождения многоукладности отечественной экономики в период нэпа, целый ряд сфер экономической деятельности стали полем жесткой конкуренции, подогреваемой к тому же идеологическим противостоянием. Самым большим рынком такого противостояния и конкуренции стал зерновой. Хлеб являлся основой питания для большинства населения, а после голода 1921 г., значительно ослабившего крестьянские хозяйства, значение собранного урожая было судьбоносным для социальной обстановки в стране [9, с. 111–116]. К тому же зерно в тот период было главным экспортным продуктом СССР, основным источником поступления валюты в страну. От вырученных за продажу зерна на внешнем рынке средств во многом зависели планы партийно-государственного руководства СССР по индустриализации страны, укреплению ее обороноспособности [8, с. 31]. Получалось так: кто владел зерновым рынком, тот владел страной. Поэтому, как только усилившиеся в первые годы нэпа частные хлебозаготовительные компании, опираясь на свой опыт и знания в этом деле, квалифицированные кадры, а также слабостью государственных органов, стали оттягивать на себя часть урожая, заставляя государство, для выполнения контрактов с иностранцами, заключенные ранее под будущий урожай, покупать у них зерно по невыгодным ценам (как это случилось в 1925 г.). Эти компании были безжалостно вытеснены с рынка с помощью административных мер. Поволжье, будучи одной из главных житниц страны, стало одним из тех регионов, где борьба за зерновой рынок достигла значительных масштабов, остроты и драматизма. Об этом свидетельствует тот факт, что на местах борьбу с частными хлебозаготовительными фирмами возглавили губернские комитеты ВКП (б). К 1928 г. частный капитал в регионе был полностью вытеснен с зернового рынка с помощью административных мер.

Список литературы

1. Батрашев Д. К. Частное предпринимательство в годы новой экономической политики в Астраханской губернии (округе) в 1921–1929 гг. / Д. К. Батрашев // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. – Москва, 2014. – С. 77–93.
2. Вестник Среднего Поволжья. – 1925. – № 5–6.
3. Виноградов С. В. О некоторых проблемах фальсификаций в провинциальной экономической прессе 1920-х гг. / С. В. Виноградов, Н. И. Волосухина, Ю. Г. Ещенко, М. В. Черник // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории : материалы Всероссийской молодежной конференции в рамках фестиваля науки 19–21 сентября 2012. – 2012. – Т. 2. – С. 99–103.
4. Виноградов С. В. Поволжье в годы новой экономической политики: особенности социально-экономического развития / С. В. Виноградов // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. – Москва, 2014. – С. 66–76.
5. Государственный архив Саратовской области (ГА СО). – Ф. 632. – Оп. 7. – Д. 23.
6. Известия ЦК РКП (б). – 1922. – № 7.
7. Красноженова Е. Е. Организация повседневной жизни населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 4 (33). – С. 41–48.
8. Красноженова Е. Е. Решение социально-бытовых проблем населения в период Великой Отечественной войны (на материалах Нижнего Поволжья) / Е. Е. Красноженова // Проблемы современной науки и образования. – 2012. – № 4 (14). – С. 31–33.
9. Лихолет О. В. О некоторых аспектах социальной политики СССР в 1920–1930-е гг.: ликвидация безработицы и подготовка квалифицированных рабочих кадров / О. В. Лихолет // Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики. – Москва, 2014. – С. 111–117.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 32. – Д. 4.

11. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 32. – Д. 19.
12. РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 32. – Д. 69.
13. Российский государственный архив экономики. – Ф. 4372. – Оп. 12. – Д. 19.
14. Турицын И. В. Революционный порыв и традиция как элементы нового управленческого слоя в 1920–е годы (на материалах юго–востока России) / И. В. Турицын // *Альтернативы большевистской модернизации в годы новой экономической политики*. – Москва, 2014. – С. 94–104.
15. Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИ СО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 325.
16. ЦДНИ СО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1552.
17. ЦДНИ СО. – Ф. 27. – Оп. 8. – Д. 91.
18. ЦДНИ СО. – Ф. 632. – Оп. 7. – Д. 8.
19. ЦДНИ СО. – Ф. 632. – Оп. 7. – Д. 33.

References

1. Batrashev D. K. Chastnoe predprinimatelstvo v gody novoy ekonomicheskoy politiki v Astrakhanskoj gubernii (okruge) v 1921–1929 gg. [Private enterprise during the New Economic Policy in the Astrakhan province (district) in 1921–1929]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik Modernization during the New Economic Policy], Moscow, 2014, pp. 77–93.
2. *Vestnik Srednego Povolzhya* [Bulletin of the Middle Volga Region], 1925, no. 5–6.
3. Vinogradov S. V., Volosukhina N. I., Yeshchenko Yu. G., Chernik M. V. O nekotorykh problemakh falsifikatsii v provintsionalnoy ekonomicheskoy presse 1920–kh gg. [On some problems of fraud in the provincial economic press of the 1920s]. *Skohranenie kul'turnogo naslediya i problemy falsifikatsii istorii : materialy Vserossiyskoy molodezhnoy konferentsii v ramkakh festivalya nauki 19–21 sentyabrya 2012* [Preservation of Cultural Heritage and the Problems of Falsification of History. All–Russian Youth Conference at the Science Festival on September 19–21, 2012], 2012, vol. 2, pp. 99–103.
4. Vinogradov S. V. Povolzhe v gody novoy ekonomicheskoy politiki: osobennosti sotsialno–ekonomicheskogo razvitiya [Volga region during the New Economic Policy: features of social and economic development]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik Modernization during the New Economic Policy], Moscow, 2014, pp. 66–76.
5. State Archive of the Saratov Region (SA SR), f. 632, op. 7, d. 23.
6. *Izvestiya TsK RKP (b)* [Proceedings RCP (b)], 1922, no. 7.
7. Krasnozhenova Ye. Ye. Organizatsiya povsednevnoy zhizni naseleniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Nizhnego Povolzhya) [Organization of everyday life of the population during the Great Patriotic War (on materials of the Lower Volga)]. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2012, no. 4 (33), pp. 41–48.
8. Krasnozhenova Ye. Ye. Reshenie sotsialno–bytovykh problem naseleniya v period Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh Nizhnego Povolzhya) [Solution of social problems of population during the Great Patriotic War (on materials of the Lower Povolzhie)]. *Problemy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Problems of Modern Science and Education], 2012, no. 4 (14), pp. 31–33.
9. Likholet O. V. O nekotorykh aspektakh sotsialnoy politiki SSSR v 1920–1930–e gg.: likvidatsiya bezrabotitsy i podgotovka kvalifitsirovannykh rabochikh kadrov [Some aspects of social policy of the USSR in 1920–1930: elimination of unemployment and training of skilled workers]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik modernization during the New Economic Policy], Moscow, 2014, pp. 111–112.
10. Russian State Archive of Social and Political Science History (RSASPH), f. 17, op. 32, d. 4.
11. RSASPH, f. 17, op. 32, d. 19.
12. RSASPH, f. 17, op. 32, d. 69.
13. Russian State Archive of Economy, f. 4372, op. 12, d. 19.
14. Turitsyn I. V. Revolyutsionnyy poryv i traditsiya kak elementy novogo upravlencheskogo sloya v 1920–e gody (na materialakh yugo–vostoka Rossii) [Revolutionary fervor and tradition as elements of a new management layer in the 1920s (on materials of the south–east of Russia)]. *Alternativy bolshevistskoy modernizatsii v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Alternatives Bolshevik Modernization during the New Economic Policy], Moscow, 2014, pp. 94–104.
15. Documentation Centre of the Modern History of the Saratov Region (DCMH SR), f. 1, op. 1, d. 325.
16. DCMH SR, f. 1, op. 1, d. 1552.
17. DCMH SR, f. 27, op. 8, d. 91.
18. DCMH SR, f. 632, op. 7, d. 8.
19. DCMH SR, f. 632, op. 7, d. 33.